լագիտության մարզում» և այսօր կարիք չունի ներողամտության «Նայագիտության դեմ իր երբեք չգործած հանցանքի համար», Եսպուհի անունը նրան վերագրելը կնշանակեր «գիտությունը լավ ծառայությունը շնորհակցել» և «հետահար հարված» հասցնել Գ. Տեր-Մկրտչյանին (ՀՍՍՀ ՓԱ «Լրաբեր», 1973, № 8, էջ 103—105):

Չարձագանքելով մեր բարեկամ բանասերի խոսքերը, սհին, հայտնենք, որ հիշյալ արտահայտությունները հիմնավորելու համար վկայակոչված միակ փաստն այն է, որ Գ. Տեր-Մկրտչյանն իր արտագրած և հրատարակության պատրաստած նորահայտ բնագրի վրա գրած է եղել ոչ թե Եսպուհի Բագրատունու անունը, այլ՝ «Հայցունյաց խաչի նորագյուտ խմբագրությունը յուր շարունակությամբ»։ Այս խորագրերը Պ. Հակոբյանը համարում է Գ. Տեր-Մկրտչյանի «գրավոր կամքը» և պահանջում է հաշվի նստել նրա հետ։ Սակայն նա չի եկատել, որ Գ. Տեր-Մկրտչյանը «Հայցունյաց խաչ» կարող էր կոչել ոչ թե իր արտագրածը, այլ նրան նախորդող բնագրերը։ Իսկ իր արտագրածին վերաբերում է միայն «յուր շարունակությամբ» արտահայտությունը, որից պարզ երևում է, որ մեծանուն գիտնականը զետեւ որոշած չի եղել այդ բնագրի խնդրությունը։

Գ. Տեր-Մկրտչյանի «գրավոր կամքի» հետ միասին գիտությունը հայտնի է նաև նրա օրանավոր կամքը, որի հետ նույնպես հաշվի չնստել չենք կարող։ Պ. Հակոբյանը ճիշտ չի ընկալել կարծեցյալ Եսպուհի առաջարկում գրքանցված այդ բանավոր կամքը. «Մահվանից առաջ հայտնել էր (Գ. Տեր-Մկրտչյանը—Գ. Ա.) Հուսիկ արքեպիսկոպոսին, որոշ վերապահություններ և հերայր եպիսկոպոսին, որ դա է մինչև այժմ կորած Եսպուհի Բագրատունու Պատմությունը»։ Մեր ընդգծած «որոշ վերապահություններ» արտահայտությունը, ինչպես տեսնում ենք, վերաբերում է միայն հերայր եպիսկոպոսին, այնինչ՝ Հակոբյանը կարծել է, թե դա վերաբերում

է նաև Հուսիկ արքեպիսկոպոսին (էջ 103—104):

Այսպիսով՝ գոյություն ունեն գրավոր կամքը («յուր շարունակությամբ» արտահայտությունը, որը փաստորեն ոչինչ չի ասում) և՛ Հուսիկ արքեպիսկոպոսին անվերապահուն հայտնված բանավոր կամքը (Եսպուհի Բագրատունու անունը)։ Ո՞րն է նրանցից առաջնայինը։ Այսօր ապրողներս որոշել չենք կարող, որովհետև կանգնած ենք դեպքից աննվազն կես դար հետազոտության վրա։ Ուրեմն պետք է ունկնդրենք Գ. Տեր-Մկրտչյանին անձամբ տեսած ու յսած մարդկանց։ Իսկ նրանք իրենց խոսքն ասել են ավելի քան որոշակի ու հաստատ, այսինքն՝ գրքի վրա գրոշմել են Գ. Տեր-Մկրտչյանի անունը, իսկ առաջարկում էլ հայտնել են, որ Գ. Տեր-Մկրտչյանի արտագրածի վրա գրված է եղել «Հայցունյաց խաչի» անունը։ Այս անունը բացահայտ հայտնելուց հետո, եթե նրանք կարևորություն չեն տվել գրան և գիրքը հրատարակել են ընդառաջելով բանավոր կամքին՝ կնշանակի նրանց հայտնի է եղել, որ առաջնայինը այդ կամքն է։ Գիրքը հրատարակող ինստիտուտը 1921 թ. գրել է. «էջմիածնի Գիտական ինստիտուտը հրատարակում է այս արժեքավոր երկը Եսպուհի Բագրատունու անունով, համաձայն աշխատասիրողների (Գ. Տեր-Մկրտչյանի և Մ. Տեր-Մովսիսյանի—Գ. Ա.) առաջարկության՝ բանասիրությանը թողնելով հեղինակի անձի վերջնական պարզարանությունը»։ Ինչպես տեսնում ենք, ինստիտուտի համար երկրային է եղել Եսպուհի հեղինակության հարցը, բայց որ Գ. Տեր-Մկրտչյանն առաջարկել է գիրքը տպագրել Եսպուհի անվամբ՝ դա կասկածից վեր գտնված փաստ է եղել։ Ուրեմն՝ շարունակենք հավատալ Գ. Տեր-Մկրտչյանի ժամանակակիցներին (որոնք հազիվ թե մեզանից ավելի պակաս էին հարգում ու մեծարում մեծ գիտնականին)։

Քանախր. գիտ. դոկտոր Գ. ԱՐԳԱՐՅԱՆ

EDITH NEUBAUER, *Armenische Baukunst vom 4. bis 14. Jahrhundert*. Dresden, 1970.

ЭДИТ НОЙБАУЕР, *Армянская архитектура IV—XIV вв.* Дрезден, 1970.

Небольшая работа немецкого ученого Эдит Нойбауер, судя по конспективности изложения, свидетельствует о том, что она имеет в виду широкий круг читателей, желающих получить общее представление о

истории развития средневековой архитектуры Армении.

Работа состоит из введения, трех глав, примечаний, списка литературы и иллюстраций.

Во введении автор указывает на теоретическую основу трудов австрийского ученого Иозефа Стржиговского, впервые предпринявшего попытку обобщения истории развития древнеармянской архитектуры. Критикуя концепцию Стржиговского о том, что армянскому искусству принадлежит ведущая роль в развитии всей раннехристианской архитектуры, Нойбауер одновременно отмечает большие заслуги австрийского ученого в освещении истории развития армянской архитектуры. Далее во введении упоминаются вышедшие после второй мировой войны работы по истории армянской архитектуры (Швайнфурт, Гьюер, Токарский, Арутюнян, Сафарян и др.), но, к сожалению, не говорится о том, что первая большая двухтомная работа, содержащая богатейшие материалы по истории армянской архитектуры, принадлежит основоположнику научного исследования армянской архитектуры Торосу Тораманяну. Отмечая, что для европейского искусствознания многое об армянском зодчестве оставалось неизвестным до появления в 1965 г. статьи Г. Н. Чубинашвили об истории развития армянской архитектуры, автор, к сожалению, проявил не критическое отношение к ошибкам, содержащимся в этой статье и в книге того же автора, вышедшей позднее и посвященной истории древнеармянской архитектуры. Можно также сожалеть, что автор рецензируемой книги не имел возможности изучить труды ряда других советских ученых, далеко продвинувших границы изучения древнеармянской архитектуры (А. Якобсон, Р. Агабабян, О. Халпахчян, А. Санян, С. Мнацаканян, А. Еремян, Ю. Яралов и др.).

В первой главе работы, посвященной армянской архитектуре IV—VII вв., как и в остальных главах, дается описание исторической обстановки периода и приводится краткая характеристика памятников этого времени. Здесь Э. Нойбауер указывает на связь армянских базилик с аналогичными строениями в Сирии и Малой Азии, причем уделяет особое внимание базилике в Ереруйке, архитектура которой рассматривается в непосредственной связи с сирийской базиликой вообще. Далее автор говорит о центрических зданиях Армении, указывая при этом на то, что такие типы зданий с куполами возникли в Константинопо-

ле, Сирии, Месопотамии и Малой Азии, а с VI в. появились в Закавказье, отрицая при этом гипотезу И. Стржиговского о возникновении центрально-купольного здания в Армении в IV—V вв. Согласно Эдиг Нойбауер, центрические здания в Армении возникли в конце VI—начале VII вв. Здесь же автором рассматриваются некоторые памятники этого типа (Эчмиадзин, Аван). Нойбауер ошибочно отмечает, что храм в Аване возведен в 609—611 гг. При дальнейшем рассмотрении памятников этого времени автором дается краткое описание храмов Рипсиме и Мастара, причем первый памятник справедливо характеризуется как один из замечательнейших в армянской архитектуре. Автором приводятся мнения различных исследователей, касающиеся датировки храма Рипсиме. Известно, что Токарский, Еремян и другие утверждают, что храм принадлежит к VII в., о чем свидетельствует надпись на памятнике. Г. Н. Чубинашвили же относит его к IX в. Рассматривая треугольные ниши в храме, Нойбауер отмечает, что этот мотив становится излюбленным в памятниках IX в., не указывая, что ниши были известны еще в VII в., о чем свидетельствуют однотипные с Рипсиме памятники, построенные в Армении в то время (Сиснан, Адиаман и др.).

В этой же главе автор вкратце останавливается на некоторых примерах зданий типа купольных базилик. Рассматривая памятник в Одзуне, автор дает характеристику также и мемориальному памятнику, расположенному вблизи известной купольной базилики. Здесь же автором уделяется особое внимание Звартноцу. Коротко останавливаясь на особенности реконструкции Звартноца, Нойбауер пишет, что в реконструкции Тороса Тораманяна остался открытым вопрос устройства лестниц, ведущих на второй ярус, отмечая при этом, что его решение неудовлетворительно вырисовывается и в реконструкциях Мнацаканяна, Кузнецова, Марутяна. Останавливаясь на орнаментике Звартноца, Нойбауер пишет, что в ней можно видеть черты, характерные для малоазийского, иранского, месопотамского и сирийского орнамента. Завершается глава рассмотрением крестообразных церквей в Талине, Аламане, Аштараке. Следует отметить, что в данной главе не

нашли отражение выдающиеся памятники армянской архитектуры типа купольных залов — Птгни и Аруч (Талиш). Примечательно, что о них говорится в главе о памятниках, относящихся к VIII—XI вв. Таким образом, и в данном случае снова можно видеть не критическое отношение Э. Нойбауер к мнению Г. Н. Чубинашвили, считающего, что эти два памятника относятся не к VII в., как справедливо утверждает большинство исследователей армянской архитектуры, а к X в. (кстати, о принадлежности этих памятников к X в. говорит также французский византист Шарль Диль).

Во второй главе следующий период развития армянской средневековой архитектуры определяется автором временем между VIII—XI вв. Такая датировка вызывает недоумение. Судя по содержанию работы, автор стремился дать краткий обзор истории армянской архитектуры, используя известные труды советских авторов, не прибегнув к самостоятельному исследованию и углубленному анализу, и поэтому непонятно, чем обусловлена такая периодизация Нойбауер.

Все исследователи истории армянской архитектуры считают, что второй период ее развития охватывает IX—XI вв. Очевидно, автору следовало ориентироваться на общепринятую датировку, а не на такую, которая является плодом неправильного отношения к пониманию истории армянской архитектуры (в связи с этим вопросом см. Б. П. Аракелян, В. М. Арутюнян, С. Х. Мнацаканян: «О некоторых вопросах истории армянской архитектуры», Ереван, 1969).

Автор относительно подробно останавливается на архитектуре и особенно декоре Ахтамара. Затем Нойбауер говорит о купольном зале в Ширакаване и об относящихся якобы к этому же периоду памятниках в Птгни и Аруче, указывая на то, что этот тип находит применение в армянской архитектуре XII—XIII вв. В противовес общепринятой датировке Нойбауер относит купольную базилику в Талише к X в. Не трудно догадаться, что автором и этой датировки является Г. Н. Чубинашвили, который с целью «подтверждения» своего суждения указывает на близость многих элементов Талиша, якобы памятника

X в., с элементами Талиша (Аруча), также датированного им X в. Будучи убежденным в верности концепции Г. Н. Чубинашвили относительно принадлежности купольной базилики в Талише к X в., автор включает ее во второй период развития армянской архитектуры, указывая, таким образом, на близость плана базилики с однотипной церковью в Двине. Такая близость, по мнению автора, порождает мысль о том, что церковь в Талише является копией упомянутой в Двине.

Далее Нойбауер пишет о памятниках города Ани, относящихся к X—XI вв. Здесь же, в отличие от большинства исследователей армянского зодчества, считавших, что церкви в Егварте, Ириде, Варзакане принадлежат к VII в., Нойбауер (в согласии с Г. Н. Чубинашвили) относит эти памятники к X в. Заканчивается глава о втором периоде армянской архитектуры рассмотрением особенностей монастырских комплексов и привлечением некоторых черт комплексов монастырей в Ахтале, Сананне, Кечарисе.

Последняя глава работы Э. Нойбауер посвящена третьему периоду истории развития армянского средневекового зодчества с XII по XV вв. Здесь также можно видеть несовпадения мнения Нойбауер с мнением исследователей древнеармянской архитектуры, которые разграничивают этот период времени между XII и XIV вв. Такая датировка тем более непонятна, если учесть, что сам автор на стр. 38 говорит о том, что «период с XII по XIV вв. является последним важным периодом армянского средневекового зодчества».

Рассматривая исторические моменты третьего периода, автор останавливается на Киликии, отмечая при этом, что ее архитектура имеет иной характер, чем в исторической Армении, что памятники культовой архитектуры Киликии (Киликийская Армения) менее важны, чем находящиеся на территории собственно Армении. Вкратце излагая далее условия жизни и культуру ряда районов исторической Армении, автор указывает на особенности памятников гражданского и культового зодчества, упоминает о монастырских комплексах Хоракерта, Агарцина, Нор-Гетика, Гегарда и др. Говоря о гражданских зданиях, Нойбауер указывает на органическую связь «жамя-

тунов»—притворов с народным домом типа «глхатун». В параграфе по монастырским комплексам (Ахпат, Санаин) автор приводит описание хачкаров, говоря о них как о памятниках оригинального типа в армянском искусстве XII—XIII вв., хотя, как известно, образцы хачкаров встречаются еще в IX в. Э. Нойбауер коротко говорит и о монастырских зданиях комплексов в Сагмосаванке, Ованаванке. В заключении этой главы приводится и краткое описание памятника нового типа двухэтажной церкви в Нор-Гетике (1291 г.) и Егварте (1321 г.), Нораванке (1339 г.). Описывая вторую из них, автор указывает на близость егвартского памятника с башней (стр. 49).

В заключительной части работы Эдит Нойбауер отведен параграф, посвященный месту армянского зодчества в восточном раннехристианском искусстве. Отмечается, что «от армянского средневекового искусства исходит сильное воздействие на искусство многих других стран» (стр. 51). С целью выяснения причин такого явления Нойбауер обращает внимание на вопрос об истоках армянского искусства. Пытаясь определить их, автор пишет, что это искусство возникло после падения Римской империи, когда во многих странах стали развиваться собственные формы. Отмечая, что художественные связи между этими двумя странами являются до сих пор еще не достаточно освещенными в литературе, Э. Нойбауер считает, что условия для развития средневекового искусства были созданы после падения Рима, когда Рим, Константинополь, Равенна образовали конечную фазу, которая по существу и ознаменовала начало нового, прогрессивного в средневековом искусстве. В этом процессе значительную роль сыграли армяне и грузины, развивавшие самостоятельное искусство на базе античных форм при сильном влиянии на них собственных элементов народного искусства. Э. Нойбауер считает, что влияние армянского искусства простирается на все раннехристианские страны именно благодаря активной деятельности армян повсюду. Автор пишет, что во многих знаменитых городах того времени (Константинополь, Иерусалим, Равенна и др.) армяне занимали высокое положение (стр. 51—52). В работе упоминается

о раннем присутствии армян на Балканах (VI в.), в Малой Азии, Италии, о работе армянских архитекторов в Константинополе, в соседней Грузии и в далеком Владимире-Суздале. Такое положение, как объясняет автор, было обусловлено высоким уровнем развития экономики и культуры страны и тем, что Армения в то время поддерживала торговые контакты со многими странами Запада и Востока.

Второй параграф этой заключительной части озаглавлен «Отношение армянского искусства к византийскому» и содержит сведения, связанные с деятельностью армян в Константинополе, о влиянии армянского искусства на византийско-восточноевропейское. Далее Нойбауер говорит о том, что Армения и Византия внесли огромный вклад в развитие средневековой архитектуры, подчеркивая при этом мысль о взаимовлиянии архитектур Армении и Византии.

Параграфом «Отношение армянского искусства к средневропейскому искусству» завершается основная часть труда немецкого ученого. В нем говорится о том, что в специальной литературе этот вопрос истолковывается по-разному. Ряд историков искусства полагает, что многочисленные сходства форм и элементов основываются на параллельном решении одних и тех же форм и элементов, независимо друг от друга, при наличии примерно одинаковых предпосылок. Указывая на близость отдельных мотивов архитектур Армении и Европы, Э. Нойбауер одновременно приводит различия между ними. Так, с давних времен в Армении господствовала центрическая композиция культовых зданий, в то время как в Средней Европе — вытянутые в плане здания, ориентированные длинной осью на запад—восток. В то время как в Армении вообще членение внутреннего пространства снаружи оставалось скрытым, в романовском зодчестве все поверхности стен здания отражают внутреннее его содержание. В Армении здания имели тенденцию к вертикализму, что достигалось увенчанием их купольным барабаном. Романские же здания акцентировали горизонтальные линии. Романское сооружение, как отмечает автор, воспринимается как тяжелое, грузное, в то время как армянское, скорее,— стройное, элегантное.

В заключение необходимо отметить, что Эдит Нойбауер удалось в небольшой книге показать главные особенности армянского зодчества, основные моменты его развития. Наряду со многими известными положениями по рассматриваемой теме в работе приведены новые положения и взгляды, достойные дальнейшего изучения. Досадно только, что автор при периодизации исто-

рин армянской архитектуры и датировке памятников армянского зодчества придерживается не общепринятых научных данных, а ошибочных мнений, находящихся в противоречии с объективными историческими фактами.

А. ТОРМАНЯН (Кишинев)